

А Иннокентий Анненский. Избранные письма

Серия "Литературные памятники"

Иннокентий Ф. Анненский "Книги отражений", М., "Наука", 1979

OCR Бычков М.Н.

А. Ф. КОНИ

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

С живейшим интересом прочел я первую статью Вашу о Д. А. Ровинском {1}, которую Вы так любезно прислали Вашему искреннему почитателю.

Еще один венок на могилу, и еще один яркий урок живущим!

Характеристику, Вами написанную, я бы назвал "идеологической" - личность Ровинского не господствует безраздельно на страницах Вашего очерка, она не рассматривается в увеличительное стекло не <1 нрзб.>, не поднимается искусственно. Ровинский для Вас дорог как носитель и проводник известной "системы идей". А между тем мимоходом бросается свет и на очень любопытные явления общего характера: как, например, уживается в личности кабинетный труд с так называемой практической деятельностью? Мне кажется даже, что для меня теперь выясняется и любовь Ровинского к карикатуре и некоторая "жестокость" его таланта, и предпочтение, которое он отдавал портрету перед другими формами живописи, гравюре перед другими способами изображения...

Простите за эти небрежные строки, набросанные под непосредственным впечатлением Ваших страниц.

Искренно Вам преданный и глубоко Вас уважающий

И. Анненский

17. I 1895

А. В. БОРОДИНОЙ

29. XI 18<99>

Ц<арское> С<ело>

Дорогая Анна Владимировна!

Благодарю Вас за память обо мне и поздравление к 26-му. Поручения Ваши исполняю и при этом объясняю нижеследующее: экземпляр катехизиса, который Вам посылается, размечен по указаниям батюшки. Что касается до "Анабазиса" Ксенофонта {1}, то книжки, которые Вы получите, суть именно те, по которым Ст<епан> Осип<ович> {2} проходит в классе, и читается текст подряд без пропусков {Сколько успеет прочесть Саша {3}, это все равно.}. Сюда же присоединяется, согласно Вашему желанию, и полный текст означенного Ксенофонта сочинения, только на что он нужен, я совсем не знаю.

Вы спрашиваете, как мне понравились карточки деток. Не совсем понравились: мне кажется, фотограф изобразил их старше и грубее, чем они есть на самом деле. NB. Это заключение не следует принимать к<a>к мимолетное замечание импрессиониста, а как фиксированное суждение наблюдателя.

Вы были совершенно правы, дорогая кузина, оценив мое письмо по его достоинству и дав мне за него дружеский реприманд. Только отправив его, я сообразил, как оно было бестактно. Простите меня, и больше не будем об этом говорить. У нас зима, глубокая и такая серебряная, какой я никогда не видел. Знаете, на деревьях совсем не видно черноты: ветки стали толстые и искристые от инея; свет голубых электрических звезд среди этих причудливых серебряных кораллов дает минутами волшебное впечатление. У нас нет таких звезд, как у Вас: наши не лучат, не теплятся, а только сверкают, но я люблю северные звезды: они мне почему-то напоминают глаза ребенка, который проснулся и притворяется спящим. Моя жизнь идет по-прежнему по двум руслам: педагогическому и литературному. Недавно отправил в редакцию огромную рукопись (10 печатных листов) - перевод еврипидовского "Ореста" и статью